

ДНЕВНИК
МАРУСИ
ЕРЁМИНОЙ

Тетрадка в 48 листов, без обложки - так дневник 14-летней блокадницы Маруси Ерёминой, ученицы ленинградского строительного техникума, в середине прошлого века был передан в руки жителю Архангельска Валентину Верховцеву. Он сохранил его до наших дней и, откликнувшись на айфовский призыв, передал тетрадь в редакцию. Верховцев, всю жизнь проработавший на строительстве дорог, на пенсии сам взялся за перо, использовал дневник незнакомой ему девушки в одной из своих книг... «Для меня то, что я прочёл в этой тетрадке, оказалось потрясением: всё, что я знал о блокаде до этого времени, померкло перед строками Маруси».

«Увижу ли дом, вернусь ли в родную деревню?» - для Маруси Ерёминой в блокадном Ленинграде существует свой образ рая - деревня Сосновка, откуда она приехала в Северную столицу учиться: убежище, куда устремляются мысли, предмет тоски. Благодаря Тамаре Кнутовой, однокурснице Верховцева, передавшей ему дневник, мы знаем ответ на этот вопрос. Тамара нашла тетрадку в комнате Маруси, которую та снимала в квартире Кнутовых. Сама Маруся рассказывала, что в январе 1942 года, через месяц после окончания записей, её техникум эвакуировали в Томск, но она туда не поехала, а вернулась домой, в любимую Сосновку. Закончила пединститут, работала учительницей в школе. Где сейчас Маруся Ерёмкина, не знает ни Кнутова, ни Верховцев, ни тем более мы...

Ленинград, 20 октября 1941 г. Суббота. Лежа на койке в постели в 6 часов утра мы услышали отчаянный раздирающий вопль. Это в истерике плакала тетя Шура Фролова, она живет через комнату от нас, у нее утром вытащили все продовольственные карточки, а у ней 3 или 4 детей, бабушка, муж и сама. Один грудной, и теперь остались все и безо всего, не выкуплено было за 2 декады. Они и без того уже были опухшие все и теперь вообще не знают, что будут делать. Карточки - сейчас все. Хотя на них ничего не достать, ибо в магазинах ничего нет. Но все-таки хоть 125 г хлеба да и то каждый день. Ночью спится плохо, то и дело просыпаешься и ждешь утра, хоть выкупить хлеб, да закусить скорей. За хлебом сегодня ходила Таня Д., а мы с Таней разогрели на примусе щи, а Тане Д. кофэ, и утром поели, я столько поела соли с этими 125 г хлеба, что в тех-ме под краном надулась холодной воды, хотя знаю, что сейчас это самое вредное. Техникум сейчас не отопляется, руки не чувствуют, но я сижу и корябаю в дневник. (...)

25 октября 1941 г. Спать легли поздно, слушали последние известия и заснули только после того как передали интернационал. Вечером к Таниной подруге, Тосе, пришел Ю. П. Тося принесла сахару, я разогрела примус на кухне, скипятила чаю, и мы пропили до позднего. Утром Таня встала рано в 5 часов и пошла с соседкой в очередь за свининой, мясо на эту декаду по 250 грамм, с какими-то силами она достала 500 г свинины и ушла на работу. Я встала в 7 часов, прослушала последние известия и пошла в техникум. Пришла в 8.40 и поднялась на 2-й этаж, у нас в 7-й аудитории занятия по гидравлике, девочки сидят и ждут преподавателя Бельдюга. Я подошла к ним и поздоровалась, сердце у меня стукнуло, я не знала отчего; вдруг Ида Подосенова говорит мне: «Танцуй». (Это слово мы говорим, когда получаем письмо.) Я растерянно ответила: «Мне? Письмо? От отца?» (Всем знаком почерк моего милого папы.) Ида сказала: «Да, от отца, получай», - и подала мне письмо, я взяла письмо как драгоценную золотую вещь и не сразу ее стала распечатывать. Потом я пошла в кабинет геодезии и прочла долгожданные строки. Меня зовут ехать домой, я обрадовалась, но на сердце что-то стало обидное. Приглашают, когда отсюда выехать никакими путями невозможно, ведь Ленинград сейчас окружен так, что даже обречен на ужаснейший голод. А поэтому я не надеюсь увидеться с родными, ибо если сбережешься от бомбежки, наверно, умрешь от голода. Занятия кончились в 15 часов, мы с Валею Кашиной пошли на ул. Декабристов к Вере Федоровой, дома

ее не застали и вернулись обратно. На остановке 15 трамвая мы с Валею простились, и я поспешила на Бульвар Профсоюзов к Тани; не успела я отойти от Театральной площади, как раздался оглушительный свист и вскоре после свиста разрыв снаряда, снаряд упал на площадь против Ленинградской консерватории. Вскоре упал второй снаряд, народ попрятался в парадные, я кое-как добежала до Тани, открыла дверь и села читать «Дым» Тургенева, окна дрожат от разрыва снарядов. Вскоре пришла Таня, я начала разжигать примус, греть кипяток. Таня пошла в магазин, выкупила хлеба. 25 октября поели с кокосовым маслом, попили чай, долго спорили о настоящем положении нашего города и, прослушав последние известия в 9.30, заснули беспокойным, нервическим сном.

26 октября. Воскресенье, занятий в техникуме нет, но сегодня дежурю полные сутки в пожарном звене. Домой сегодня написала письмо, послала заказным письмом. Уроки не учила, все то вязала, то штопала, то на картах гадала девочкам, все мечтали как бы домой уехать да покушать хорошенько, хлебца досыта поесть. Говорили о прошлом, о хороших кушаньях, спорили о политике, горевали о своем положении, из которого, видно, нам не выбраться. Давали нам сегодня суп с морковкой и картошкой, да уж очень пересолен.

27 октября 1941 г. Настроение паршивое, очень расстроилась о доме, очень обидно, что я на веки оторвалась от родных. Немец всеми силами старается захватить наш город, сейчас он не наступает, засел у ворот Ленинграда, окопался и ни назад, ни вперед, измором что ли хочет взять. Воздушные налеты немного прекратились, тревог не было уже дней 5. Спала сегодня беспокойно, все думала о доме, т. к. Тамара Яковлева вчера вечером сказала мне, что когда она сидела на дежурстве, то слышала разговор проходящих военных о том, что скоро будут эвакуировать старух и детей. Я взбесилась от радости, но это было лишь до утра. Проснулась я рано и услышала, что сдали г. Сталина, все сдают, Ленинград все окружают, скоро и его возьмут. И осталась я качаться здесь, как в поле былинка, не к кому голову свою приклонить, спасибо хоть Таня здесь, с ней-то все веселее. Она иногда меня до того разговорит, что я начинаю верить в то, что я когда-то буду дома, увижусь с родными и даже «надоеет». Нет, это только утешенье с ее стороны, немец не будет ждать, пока мы выйдем отсюда, а займет и начнет свои грабежи, разорения, истязания невинных народов, как это уже и есть в захваченных районах

Люди умирали тысячами, большинство из них уже некому было хоронить, поэтому их тела отправляли в братские могилы. Большинство ленинградцев захоронены на Пискаревском кладбище (порядка 500 000 человек), но практически на всех кладбищах города есть блокадные захоронения (здесь - Волково кладбище, 1942 год). Часть умерших была сожжена в печах крематория.

Фотохроника ТАСС.

Вода, так же как еда и тепло, для блокадного города была роскошью. За ней ослабленные голодом люди отправлялись к водопроводным люкам или к Неве.

Фотохроника ТАСС.

Ленинградской области. Сегодня выпало много снега, хотя бы скорей начались морозы, может быть, хотя бы немножко повлияло это на немца, открылся хотя бы какой-нибудь путь, выехать отсюда домой. Дома и умирать милей, но это уже осталось теперь мечтой навечно.

Сейчас урок теоретической механики, меня вызвал Григорий Иванович решать задачу, но у меня мысли совсем и не думают о задачах, я чуть не заплакала у доски, вспомнив, что не увижусь больше с домом. Очень часто мне вспоминается Нюра Шарыченкова, наверно, она там вспоминает обо мне, хочется увидеть ее и поговорить сердечно. Больше всего хочется поесть блинов, да хлебца домашнего.

3 ноября 1941 г. Каждую ночь вижу во сне бабку, она, наверно, думает там обо мне. Все ночи слышится непрерывная артиллерийская канонада. Город - фронт, в данный момент мы не думаем о жизни, на каждом шагу - смерть. Снаряды летят, на ходу убивает народ. Днем сегодня было 2 тревоги. Думаю поступить в Р. У. Таня советует пойти в Р. У., но девочки говорят, что очень страшно там около заводов. Положение ужасное, подходят праздничные дни, но их праздновать нам, ленинградцам, не придется. Адольф Гитлер - этот гадина, кажется, угостит нас на праздник как следует своими «своеобразными подарочками». Карточки Тани не сменили. Сегодня у нас был зачет по стройматериалам, мне поставили 3-. Теоретическая механика прошла благополучно, по электротехнике не спросили, в буфете удалось покушать, тарелку борща, 25 гр. макарон, хлеб на завтра выкупила. Вечером с Таней пили чай с конфетами, хлеб сейчас ничем не заменим - ни шоколадом, ни золотом, хлеб пекут очень плохой, но едим его как нечто ... (?), стараюсь не проронить ни одной крошки этого «навозного кома». Эх, если бы сейчас попасть в деревню, да поесть бы вдоволь хлебушка с похлебкой, с тыквой, свеклой, картошкой, о которой теперь остались лишь воспоминания и мечты, наверно, никогда не сбываемые. Хочется, хочется пожить эти годы дома, но нет, видно, придется погибнуть под развалинами Ленинграда, не увидевшись с родными. Смерть видна на каждом шагу, каждую минуту. Боже милостивый, скоро ли будет конец? Конец, наверно, будет тогда, когда нам всем конец придет. Жаль все-таки, что не увижу теперь никогда своих родных и свою деревню.

12 ноября 1941 г. Господи! Наступил настоящий голод, народ начал пухнуть. Смерть! Голодная смерть - вот что ждет нас, ленинградцев, в эти ближайшие дни. Сегодня хлеб на завтра не дают, наверно, уменьшат

норму, а на сегодня у всех было взято вчера. Итак, сегодня все рабочие и почти каждый без куска хлеба, на несчастные последние талоны крупы возьмет тарелку овощного супа и съест его без хлеба, а потом пойдет работать почти круглые сутки, да вот работай с водички этой горячей. А завтра, наверно, дадут по 100 грамм на день. Эх! Жизнь, жизнь, неужели теперь наши там не предчувствуют, что я здесь умираю голодной смертью, мучаясь в одиночестве, которой, видно, мне не пережить.

13 ноября. В ночь с 12 на 13 ноября была сильная бомбежка, одна бомба попала прямо в почтамт, в пожар произошло большое разрушение, на утро около почтамта сделали ограду и никого не пускали. На улицу Декабриста Якубовича бомба упала в ясли, весь дом обрушился, смотреть жутко. Во время тревог мы не вставали и живы только случайностью. Утром проснулись в 7.45, слушали последние известия, по радио вчера передавали статью о том, что Ленинград окружен кольцом железной блокады, что немец хотел взять Ленинград штурмом, чего у него не вышло. Теперь же он хочет взять Ленинград измором, поэтому нам сейчас придется пережить не только беспощадную бомбежку, артиллерийский обстрел, но и голодную смерть, настает момент, когда от нее нет никакого спасения. Ходим все как голодные волки, во все сутки едим только тарелку супа и 150 грамм хлеба. Рабочие получают 300 грамм хлеба, а служ. 150 грамм. Слабость чувствуется ужасная, сильное головокружение, на уроке сидим как глупые, путаемся во всех мелочах, да кроме того, кроме голода трагично и нервично переносим внезапный обстрел тяжелой артиллерии. Смерть на каждом шагу. Господи! Наверно, никогда это не кончится. Я все мечтаю о будущей жизни в деревне, всю ночь проводишь дома в деревне с родителями, ешь картошку, похлебку, но просыпаешься - живот пустой и в груди щемит от голода. Голова плохо работает, если и переживем эту войну, то все равно останемся или калеками или глупыми помешанными дураками. Нет! Пережить, наверно, не придется, сдадут, наверно, город, а жизнь от немца ждать нельзя. Прощай, родная сторонка, родная деревушка, прощайте, милые родители, бабушка, сестренка, подруги моего счастливого детства, все прощайте, я, наверно, умру с голода или попаду под бомбежку или обстрел.

22 ноября 1941 г. Суббота. Ровно 5 месяцев войны с немецкими захватчиками. Ленинград на волоске от гибели. Вот-вот и осуществится план Гитлера: взятие Ленинграда измором. Норма в армии уменьшена,

с 600 г красноармейцы стали получать 300 г на день, а с 300 г не очень-то развоюешься. Ой! Не могу подумать, как не хочется попадаться в руки немцу, ведь к нему не на жизнь, а на смерть. Вскоре судьба наша должна решиться. Хорошего не жду, теперь я совсем отчаялась, что когда-нибудь откроются дороги: из газет и из рассказов раненых, лежащих в госпиталях, нам известны все невозможно осуществимые трудности в боях за дорогу. Вряд ли удастся нашим бойцам прорвать кольцо блокады, видно, возьмет нас измором. Производительность труда уже снижается на всех предприятиях, а победу за дорогу еще не видно. О доме уже не думаю, все равно бесполезно, только себя расстраиваю. Да! За все свои капризы я достойно наказана богом. (...)

28 ноября 1941 г. Пятница. Л. С. Т. Занятия сегодня у девочек всего 2 курса, я встала утром, сходила на почтамтскую, купила хлеб, Татьянки ушли на работу, я поела кофэ, вынула свою повидлу и съела все. (...) Убралась в комнате. У Тани нашла письма мои, которые я написала домой и мамаше, но они уже распечатаны и прочитаны ей. Ах, как мне стало обидно за контроль, чего ей надо контролировать меня, шпион что ли ей я. В 10.30 пошла в тех-м, в библиотеке сменила книгу, взяла «Обрыв» ч. 1 Гончарова, говорят, хорошая вещь, почитаю. Занятия прошли, по контрольной математике не сделала одну задачу, тревога опять началась, беда, и до 5 вечера, вот уже недели 2,5 летает и бомбит в одно и то же время. Бомбы летели рядом, но мы сидели на лекции и строчили конспект.

22 декабря 1941 г. Понедельник. Вчера был выходной день. Мы с Таней выкупили конфеты «Аккра» кофейные 600 грамм, все на мою и ее карточки на 3-ю декаду. Это прямо счастье, а то в магазине, где я прикреплена, ничего не дают. Бывает повидла, и то и очередь за ней, а не выгодно, а это я все 3 декады выкупала в магазине, где прикреплена Таня. В столовую не попасть, наш буфет выходной, мы с Таней утром съели хлеб по 125 г с супчиком, в обед я еще выкупила 125 г, а вечером съели с Таней по 6 конфет и выпили по стакану кофэ.